Мы продолжаем публикацию глав из книги «Мой темнокожий брат» в переводе автора — Елены Говор. В центре повествования — история семьи Ильиных. Глава семьи, русский писатель Николай Ильин, разочаровавшись в толстовстве, в начале 1890-х годов покинул Россию. За ним последовали жена Александра и дети — Леандро, Ромелио и Ариадна.Долгие годы они прожили на ферме в Патагонии, но, привлеченные славой демократических реформ в Австралии, в 1910-м году перебрались сюда, поселившись в северном Квинсленде, среди джунглей на плато Атертон. Леандро, старший сын Николая, в 1915-м году женился на Китти, аборигенке местного племени нгаджон, одержав победу в драматической борьбе с властями, проводившими политику жёстокой расовой сегрегации. К 1919 году Леандро со своей семьёй перебрался в более сухую местность около Маунт Гарнет, а Николай решил покинуть Австралию в поисках места для колонии русских,бежавших от революции. Текст предыдущих глав можно посмотреть на сайте автора: http://elena.id.au

ЕЛЕНА ГОВОР

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

СЫН И ОТЕЦ

ЗА ПРИНЦИПЫ ЛЮДИ ОТДАЮТ СВОЮ ЖИЗНЬ

КОГДА ЛЕАНДРО РАССКАЗАЛ КИТТИ О ПЛАнах своего отца отправиться в Южную Америку, она согласилась ехать вместе с ними. После того как они покинули её родные места на плато Атертон, ей было всё равно, где жить – в Ганнаварре или в Южной Америке, её муж и дети теперь были её единственным достоянием. Но у австралийских властей взгляды на планы Ильиных были совсем иными. 27-го апреля 1919 г. Леандро написал министру внутренних дел:

«Ганнаварра, Маунт Гарнет, Северный Квинсленд

Достопочтенному министру внутренних дел, Брисбен, Министерство внутренних дел

Сэр,

Простите меня, что я Вас беспокою, но я не знаю, к кому еще обратиться с моей бедой. [...] Несколько лет назад я женился на аборигенке, и у нас с ней четверо детей, одна девочка и трое мальчиков. По мере того как мои дети подрастают, я вижу, что многие люди вокруг смотрят на них свысока и с презрением; и я боюсь, что в дальнейшем, постоянно чувствуя к себе такое отношение окружающих, они покатятся вниз. Они лучше, чем чёрные, и не хуже, чем многие белые, тем не менее, они никогда не смогут стать частью белого общества. [...]

Теперь дело повернулось так: у меня есть отец, мать, брат и сестра. Мы все выросли в Южной Америке, в Аргентине, где мы прожили семнадцать лет. Я знаю условия жизни там лучше, чем здесь, и прожить мне там было всегда легче, чем здесь. [...] Все и каждый там цветные, поэтому тёмная кровь в жилах моих детей не будет вызывать там никаких претензий.

AM31.indb 83 23/11/2014 1:49:08 PM

Все мои родные хотят туда уехать, и все вместе мы хотим купить ранчо. Здесь мы отнюдь не преуспели. Мы привезли больше денег сюда, чем мы теперь увозим, и мы потеряли здесь 9 лет. Кроме того, в Америке у нас есть родственники. Здесь я работаю сейчас за 2 фунта в неделю с полным обеспечением в качестве работающего управляющего у мистера Т. Дж. Аткинсона, и мои перспективы не блестящи. Если в один прекрасный день я сломаю шею, за моими детьми некому будет смотреть, поскольку все мои родные уезжают. И конечно, я не хочу, чтобы они оказались в руках полицейского-протектора. Мы все знаем, что это такое.

Также моим отцу и матери очень тяжело будет покинуть меня здесь (им 70 и 59 лет соответственно). [...]

Что я хочу узнать, так это могу ли я вывезти мою жену и детей из страны. Я вижу, что в Акте о защите аборигенов есть ограничение. Но применимо ли оно к жене белого мужчины и их детям полукровкам? Я обращаюсь на этот раз к Вам напрямую, потому что в прошлый раз, когда я написал письмо протектору аборигенов, он даже не удосужился ответить мне, а просто прислал наряд полиции и превратил меня в преступника. Мне советуют не писать Вам и говорят, что я только накличу на себя беду и никогда не смогу выехать из страны, поскольку все считают, что в правительственных конторах полным-полно волокиты и препон. Но я так не считаю, и я взываю к гуманным чувствам, которые свойственны и министрам, если взять пример достопочтенного У. Н. Гиллиса и покойного достопочтенного Д. Боумана.

Надеюсь, что я не злоупотребляю Вашей добротой.

Искренне Ваш, сэр

Леандро Ильин»

Увы, гуманные чувства по отношению к русским и аборигенам не были атрибутом правительственных контор. «Достопочтенный министр внутренних дел» сделал именно то, чего опасался Леандро – передал письмо Главному протектору по делам аборигенов, должность которого всё ещё занимал Дж. У. Бликли. Тот вытащил старое досье. Что ж, он потерпел поражение в 1915 году, когда Леандро через вышестоящих чиновников добился разрешения на брак с Китти, но теперь-то он сможет взять реванш. И на этот раз козырная карта в его руках — ею стали «чистокровные» ("full blood" по терминологии того времени) дети Китти. Проведя расследование через местную полицию, Бликли писал заместителю министра внутренних дел 22 октября 1919 г.:

«Сэр,

Я передаю Вам для ознакомления запрос русского, Леандро Ильина, женатого на чистокровной аборигенке, о разрешении вывезти его жену и детей в Южную Америку.

Жена имеет трёх чистокровных детей — 11, 9 и 7 лет, от предыдущего брака и четырёх детей-полукровок — 5, 3, 2 года и 5 месяцев, от Ильина.

В 1915 г. покойный достопочтенный Д. Боуман разрешил Ильину жениться на этой женщине, хотя я прежде отказал ему в таковом разрешении, поскольку наше ведомство является противником браков между чистокровными аборигенками и белыми мужчинами, особенно в тех случаях, когда, как здесь, женщина имеет трёх малолетних чистокровных детей.

Этот Ильин — личность эксцентрическая, он много лет жил среди чёрных, используя их для своих собственных целей.

Данная просьба кажется мне чрезвычайно подозрительной, и хотя юридически он, может быть, и имеет право вывезти свою жену и своих собственных детей из страны, я считаю, что ему нельзя позволять вывозить трёх старших чистокровных детей. В другой, менее цивилизованной стране, трое чистокровных детей пригодятся Ильину в качестве рабочей силы и станут, несомненно, никем иным, как его рабами.

Поскольку его жена хочет ехать с ним, я не вижу законных оснований, чтобы препятствовать её выезду, хотя мне и не нравится это предложение.

Если ей и детям-полукровкам будет разрешено выехать, я полагаю, что чистокровных надо будет выслать в резервацию.

Я буду рад получить Ваш совет,

Ваш покорный слуга

Дж. У. Бликли

Главный протектор аборигенов»

«Совет» министерства внутренних дел не заставил себя долго ждать. Резолюция гласила: «Не одобряю вывоз чистокровных детей из страны. Он может взять остальных. 27.10.19».

А в это время, 30-го октября 1919 г., «эксцентричный» русский, единственной целью которого, согласно Бликли, было превратить своих пасынков в рабов в «менее цивилизованной стране», не получив ответа на своё первое письмо, писал новое прошение министру внутренних дел из Маунт Гарнета:

«[...] Для меня чрезвычайно важно знать, смогу ли я сейчас или в будущем выехать из страны, где мои дети находятся под протекцией полиции? Меня это очень беспокоит. Я люблю своих детей и

AM31.indb 84 23/11/2014 1:49:09 PM

переживаю за их будущее. Я не хочу чтобы, когда они подрастут, какой-нибудь полицейский засунул их работать туда, где они не хотят быть. Я не спешу уезжать, пока они маленькие, но конечно я не хочу, чтобы они оставались здесь, когда они вырастут и окажутся под протекцией.»

Наконец, через полгода после своего первого запроса, Леандро получил ответ от Главного протектора аборигенов:

«24 ноября [19]19 г.
Сэр,
Ваша просьба разрешить Вам вывезти Вашу жену и детей из страны была передана достопочтенному министру внутренних дел, который решил, что не будет препятствий, если Вы захотите вывезти свою жену и своих детей-полукровок, но, ни при каких условиях никому из чистокровных аборигенских детей не будет позволено покинуть страну».

Копия этого письма была послана Протектору аборигенов в Маунт Гарнете с припиской Бликли о необходимости держать под наблюдением все перемещения семьи. В последующие месяцы он не забывал напоминать местному протектору предоставлять ему результаты слежки. Задача была настолько отвратительна, что, в конце концов, местный протектор-полицейский, сержант Хои, не выдержал:

«8/4/20. Мистер Ильин кажется очень честным во всех своих делах, и я не думаю, что есть хоть малейшая вероятность того, что он попытается каким-либо образом выехать из Квинсленда со своей семьей, не заручившись прежде того разрешением».

Леандро же, после визитов полицейского, написал новое письмо министру внутренних дел:
«18–5–20
Спринг Галли
Маунт Гарнет
Северный Квинсленд
Достопочтенному министру внутренних дел
Министерство внутренних дел
Брисбен, Квинсленд
Сэр,
[...] Я получил ответ от Главного протектора аборигенов, что я могу беспрепятственно вывезти мою жену и моих детей-полукровок, но, ни при каких условиях, мне не будет разрешено взять с собой чистокровного ребёнка. Я хотел взять только одного мальчика Джорджа, который слишком мал, чтобы разлучить его с матерью. Что ж, сэр, такое разрешение мне не подходит в настоящее время, потому что я не поддерживаю политику разлучения маленького ребёнка с матерью. Поэтому я вынужден остаться и ждать, пока мальчик подрастёт и сможет сам о себе позаботиться.

[...] Поэтому я прошу Вас не считать, что это дело кончено, и я останусь здесь; я прошу Вас оставить Ваше решение в силе до того времени, когда я смогу уехать, не огорчая ребёнка и его мать.

С уважением
Леандро Ильин[1]».

* * *

Леандро проиграл в поединке с власть имущими, но всё-таки он одержал моральную победу над австралийской самодовольной «демократией». На одной чаше весов была слезинка чернокожего мальчика, а на другой — будущее его собственных детей, его семьи, его престарелых родителей и, как знать, будущее новой русской колонии для его страдающих соотечественников. Слезинка перевесила всё остальное. Достоевский когда-то размышлял над этой дилеммой — слезинка ребенка против счастья человечества. Многие его читатели соглашались, что слезинка должна быть превыше всего, но немногие следовали этому догмату в обыденной жизни. Леандро, сын русского идеалиста, решился последовать ему буквально. Годы спустя он напишет: «Принципы — это не пустяк. За принципы люди отдают свою жизнь».[2]

Были принципы, и была любовь. Как он мог нанести ещё один удар Китти, разлучив её с Джорджем-Джинджером, его преданной Китти, которая только что потеряла свою среднюю дочь Молли, бывшую настоящим сорванцом. Во время посещения Бутчерс Крик Молли играла с Гектором на дереве во дворе у Деды; под ней обломилась ветка, и Молли упала на землю, сломав позвоночник. Там её и похоронили, недалеко от их священной горы Бартл Фрер.

Но жизнь продолжалась. В марте 1919 года Леандро, наконец, продал свою ферму Гадгарре за 809 фунтов. В конце года он взял участок в Спринг Галли, в 6-ти милях от Маунт Гарнета. В августе 1920 года Ромелио продал свою ферму за 1767 фунтов, а в ноябре того же года Николай и Александра продали свою за 1572 фунта.[3] Ариадна и Джек Макай были готовы к отъезду уже давно. Их младшая дочь Ольга родилась в мае 1918 года и уже подросла достаточно для большого путешествия. Ильины отправились в Спринг Галли попрощаться с Леандро, сначала приехали Ромелио и Гектор — они пригнали скот, который не удалось продать. Потом Нелли

[1] QSA: CPA, 19/1649, 19/2671, 19/4041, 19/5579, 20/1840.

[2] L. Illin, ‘Correspondence’, Herbert River Express, 23 августа 1938.

[3] QSA: LAN/DF, 89, Atherton 1545, 1546, 1547; LAN/DF, 2501A, Herberton 1065.

AM31.indb 85 23/11/2014 1:49:09 PM

и Александра приехали на поезде. И наконец, в путь отправился Николай. Леандро встретил его на станции в Маунт Гарнет и привёз на двуколке в Спринг Галли. Николай передал ему свои рукописи, старые письма и фотографии, медицинские книги и их семейную икону святых Петра и Павла.

Сухой воздух был напоён ароматом эвкалиптовых листьев, их изогнутые стволы, казалось, танцевали в струях горячего воздуха. Треск цикад сплетался со звонкими голосами детей — они копали песчаное русло безводного ручья в надежде добраться до подземного слоя воды. Леандро бодрился, он убеждал отца, что не пройдёт и нескольких лет, как он со своей семьей присоединится к ним в Америке. Но Николай знал, что он расстаётся со своим любимым сыном навсегда. Китти тихо сидела рядом с ними, боясь взглянуть на Николая. Она понимала, что именно она и была причиной этого горя, что всё это было из-за её Джинджера... Николай подбадривающе улыбнулся ей. Ведь он приехал проститься и с ней. Он хотел её видеть. Она, открывшаяся только его сыну, так и оставалась тайной для него. Теперь ей одной предстояло хранить его сына, и может быть хранить его от себя самого. Нет, Китти ни в чём не была виновата. Виноват во всём был он сам, отец. Давным-давно, в Патагонии, когда Леандро сделал всё возможное и невозможное, чтобы вызволить его из тюрьмы, он написал поэму «Отец и сын», оказавшуюся пророческой:

... Но тою же дорогой
Пойдёшь, боюсь, дитя и ты,
Как я, голодный и убогий,
И раб несбыточной мечты.

Мне ясно говорит сознанье,
Что в сердце я твоё вложил
Зародыш вечного страданья
И гибель юношеских сил...

Рукою пагубной и властной
Тебя я с детства отравлял,
Вливая в душу яд опасный,
Я той отравой наполнял

Твой нежный ум, не понимая,
Что яда нет того страшней...
К пороку, к славе страсть больная
Его невинней и слабей.

Тот яд есть истины исканье
И жажда правды мировой...
А в результате — отрицанье
Утех житейских, дух больной,
Тоска, надорванные силы,
Святых надежд померкший свет,
И преждевременной могилы
На мрачном фоне силуэт...

Леандро посмотрел вокруг. Теперь Джинджер, Дик и Том бегали взапуски по песчаной дороге, катая колесо; Флора и Эмма строили дом для куклы. Он вспомнил, как Флора обнимала эту куклу, когда он привёз ей долгожданный подарок из Тумолина. Её первая кукла. Ветерок донёс запах печёного мяса от очага около их хижины из гофрированного железа — Китти готовила угощение.

Ну что ж, в конце концов, это, еще не конец жизни. И как бы она ни сложилась дальше, он, не колеблясь, мог бы подписаться под словами сына в той патагонской поэме Николая:

И этой долей благородной
Тебе я, лучший из отцов,
Обязан, средь рабов свободный
И откровенный средь лжецов.

Предпочитая путь тернистый,
Пройду я век свой, как и ты,
Душою добрый, сердцем чистый,
Поклонник дерзостной мечты...

Святых надежд осуществленья,
С тревогой жизнь всю буду ждать
И все их, в миг успокоенья,
Сумею детям передать.

Без колебаний, друг мой нежный,
Меня в мой путь благослови,
С улыбкой ясной, безмятежной,
Словами правды и любви.[4]

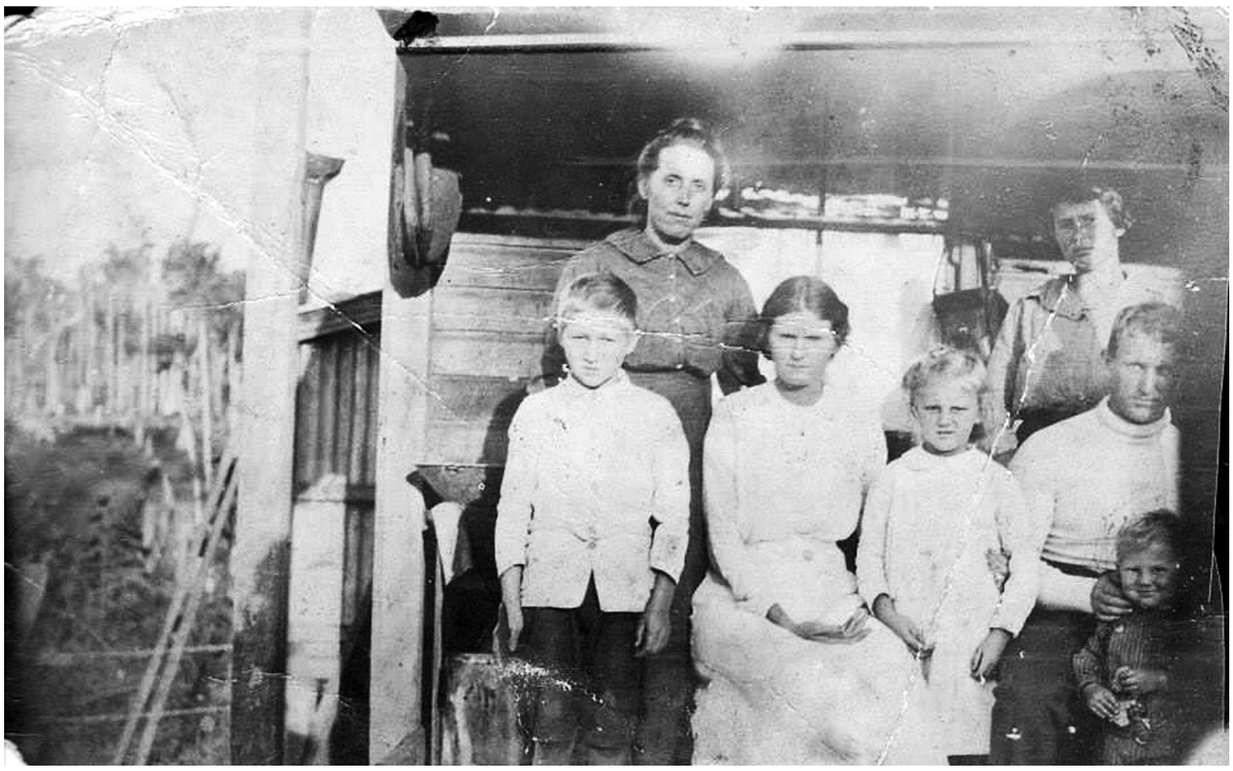
... И отец благословил его.
Больше им не суждено было встретиться.

ДВА ПУТИ

В ПЛЯШУЩЕМ СВЕТЕ КОСТРА СТЕНА ДЖУНглей, обступавшая их лагерь со всех сторон, казалась наполненной жизнью. Была очередь Николая нести ночную вахту, охраняя сон их маленькой группы. Он сидел у костра с ружьём на коленях, прислушиваясь к ночным звукам. Эти джунгли не походили на те, к которым они

[4] Н. Ильин, Песни земли, Париж, 1910, с. 32, 34.

AM31.indb 86 23/11/2014 1:49:09 PM

Одна из последних фотографий семьи Ильиных на ферме в Бутчерс Крик. Слева — в первом ряду Гектор и Нелли с учительницей, за ними — неизвестная; справа — Джек и Ара Макай с Сэмом

привыкли на плато Атертон, в Австралии; там самым страшным врагом были пиявки, незаметно присасывающиеся к ногам. Здесь же невидимая опасность смотрела на них из-за стены деревьев. Она была везде. Эта лесная тропа — единственная дорога, связывающая затерянный в горах посёлок Комаягуа с побережьем, — была одним из самых опасных мест. Многие потеряли здесь жизнь, попав в руки «бандитти», промышлявших в джунглях. Оказалось, что Гондурас, где он собирался расселить русских беженцев, управлялся одним законом, законом ружья. И теперь он сжимал его в руках, готовый защитить свою поредевшую семью — Александру, его верную жену; Ромелио, единственного из его восьмерых детей, оставшегося с ним до конца, и Гектора с Нелли, его внуков.

Гектор и Нелли – да, теперь пришёл их черёд получить его дар, дар настоящего мира, полного приключений, опасностей и свершений. Сам он в детстве был лишён всего этого и все последующие годы пытался возместить ту детскую неутолённую жажду, которая мучила его в холодных стенах тульской гимназии. Конечно, у них было много причин покинуть Австралию, но вот эту причину — неутолимую жажду познания мира — он мог разделить теперь только с Нелли и Гектором. Он вырвал их из мещанского, обывательского мирка благополучной Австралии, и теперь они вместе с ним отправятся на поиски Земли обетованной. Ничего, что все последние месяцы у них всё шло вкривь и вкось, их Эльдорадо лежит впереди, за этими дикими горами и бурными реками...

Ильины и Макаи покинули Бутчерс Крик в январе 1921 года. Годы спустя Гектор расскажет об их странствиях: «Мы путешествовали три месяца, сначала в Новую Зеландию, а потом в Панаму; туда мы плыли на морозильном судне „Ионик", перевозившем мясо коров и кроликов». Из Панамы они отправились в Баранкилью в Колумбии на грязном французском корабле, перевозившем кур, коров и свиней. Здесь семейство разделилось. Николай с женой, Ромелио

Последняя фотография: вместе в Боготе. Нелли и Гектор рядом с Николаем — слева. Джек Макай, Ромелио и маленький Сэм — справа

AM31.indb 87 23/11/2014 1:49:09 PM

Николай Ильин

и старшими внуками Гектором и Нелли поехали в Боготу, расположенную в Андах столицу Колумбии, где они задержались на три месяца. Николай надеялся найти где-нибудь в Колумбии свободную землю, чтобы расселить там русских беженцев, но из этого ничего не получилось, к тому же вся его семья заболела малярией, и ему стало понятно, что эта страна, находящаяся так близко к экватору, не подходит для расселения русских; и он решил отправиться на север, в Центральную Америку. В это время Ариадна и Джек Макай и их младшие дети, Сэм и Ольга, оставались в Колумбии, где Джек нашёл работу на золотых рудниках в Пасто. В последний раз они сошлись вместе в Боготе и сняли фотографию.

Оттуда Николай с семьёй вернулись в Барранкилью и, снова переправившись через Панамский канал, добрались до Амапалы, порта на Тихоокеанском побережье Гондураса. Отсюда на «Бюике» они доехали до Тегусигальпы, отправив багаж на грузовике. «Здесь мы прожили недолго, — вспоминает Нелли. — Мой дедушка пытался получить землю в Москитии, чтобы переселить туда русских». Москития — прибрежный район диких лесов и мангровых болот, расположенный на востоке Гондураса и Никарагуа и населённый индейцами мискито, — как, оказалось, славился своей лихорадкой, и тоже, в конечном итоге, был, отвергнут Николаем. Теперь он решил попытать счастья на более здоровом северном побережье Гондураса. Для этого им предстояло пересечь всю страну через цепь горных хребтов. «До Комаягуа мы доехали на грузовике, — продолжает свои воспоминания Нелли, — а оттуда пришлось путешествовать на мулах и лошадях, потому что там не было дороги для транспорта. Для меня с братом это было большим удовольствием, так как мы ехали верхом на лошадях целую неделю».[5] Александра отнюдь не считала это удовольствием... Кто бы мог подумать, что её старому мужу снова придётся охранять их по ночам, как сорок пять лет назад, во время их странствий по дорогам Туркестана; но теперь хотя бы с ними был Ромелио, который сменял отца на посту.

Николай подбросил дров в костёр и прилёг у огня. Внезапно он почувствовал тяжесть прошедших лет. Его мать, генерал Кауфман, Лев Толстой, Николай Ге, Владимир Короленко — десятки его врагов и друзей мелькали перед ним, и он понимал, что он уже никому и ничего не сможет доказать. Мно—его голос никогда не дойдёт до них из этой гондурасской глуши. Теперь он был просто «Деда», просто старик, отправившийся в погоню за новой, бесплодной мечтой, опасный фантазёр, снова бросивший остатки своей большой семьи в неведомое. И не было рядом с ним его Леандро, который сказал бы, как бывало: «Ты прав, отец!» Десять тысяч русских беженцев — он никогда не сможет найти для них места. Всё, что он может, это найти место для себя, найти место, где ему предстоит умереть. Он чувствовал, что его жизнь стремительно подходит к концу. Он не боялся смерти. Не он ли написал двадцать пять лет назад:

[5] C. Campbell, 'Former NQ man keeps 65 y. o. vow', North Queensland Register, 1980-e; Flores, 'Memoirs', p. 7–8; Mackay, 'Memoirs', p. 4–5; Naessens, 'Mackay: Dynasty behind the sleepy coastal town', Register (Townsville), 10 May 1984, p. 13.

AM31.indb 88 23/11/2014 1:49:09 PM

Сан-Педро-Сула

Умру, как все. Иль иначе немного.
Умру, как те, что смерти не страшась,
Не ждут в неведомом небесного чертога,
С загадкой вечности заране примирясь.

И то сказать: Когда лишусь сознанья,
Не всё-ль равно: нирвана, рай иль ад?
Не будет чувств — не будет и страданья;
Не будет ложных, призрачных наград.[6]

Смерть была бы освобождением для него теперь, освобождением от самого себя, от его неугомонной натуры, которая столько раз заводила его в жизненные дебри. Много лет назад, в Патагонии, он написал странное стихотворение, которое шло вразрез со всей его революционной поэзией того времени. Называлось оно «Из глубины мрака», и сейчас мрачный символизм этого названия начинал сбываться, ведь Гондурас по-испански и значит «глубина».

В душном каземате,
Где так тесны своды,
Где темно и сыро,
Я сижу уж годы.
Просит сердце воли,
Жаждет мысль простора;
Но вздохну свободно,
Я, увы, не скоро!
Сам тюрьму я выбрал;
Сам засов задвинул;
Света сам лишился
И навеки сгинул... [...]
Наберись же сердце
Мужества и силы:
Уж близка свобода
Под холмом могилы.[7]

Да, он писал о самом себе, он сам и был узником в тюрьме своих страстей. Ну что ж, эта страна станет местом его упокоения, а вернее, местом, где он продолжит себя в своих детях и внуках. Они будут жить здесь, они станут частью этой земли, её людей. Они смешаются с гондурасцами, смуглыми простыми «ладино», в жилах которых течёт кровь испанцев и индейцев. Племена ленка, хикаке и таинственных мая, руины храмов которых таятся где-то в этих горах, издавна населяли эту землю. Когда-то, в его родной Ильинке, эта земля, открытая Колумбом в 1502-м году, покорила его воображение, но мог бы он тогда вообразить, что настанет день и он принесет её богам свое самое дорогое достояние — свою собственную семью?

[6] Ильин, Песни земли, с. 38.

[7] Ильин, Песни земли, с. 41.

AM31.indb 89 23/11/2014 1:49:09 PM

Несколько дней спустя они вышли к верховьям реки Улуа. Далеко на севере блестело море, а перед ними простиралась зелёная долина, по которой петляла Улуа вместе со своей сестрой, рекой Хамелекон. На другом берегу Хамелекона, у подножья темно-зелёных гор, раскинулся городок Сан-Педро-Сула. Он им сразу понравился, и Александра уже подумывала о том, как хорошо было бы здесь поселиться, но к Николаю вернулся его прежний боевой задор и он не захотел сдаваться без боя. И они повёл свою семью в последнее, безнадежное путешествие — в январе 1922 года в Пуэрто-Кортес они погрузились на гондурасский пароходик «Холутака» и добрались до Нового Орлеана. Однако в Америке им поселиться не удалось, и они вернулись в Сан-Педро-Сула. На деньги, вырученные от продажи австралийской фермы, они купили участок земли и построили дом. «Дед научил нас, как сажать и выращивать овощи и цветы, — рассказывает Нелли. Это был его четвёртый сад. Его прежние сады остались в Ильинке, и около белого домика на окраине Ташкента, и на плато Атертон в Австралии; где-то далеко они продолжали цвести, но ему не суждено было вкушать их плоды.

Через несколько месяцев после того, как они обосновались в Сан-Педро-Сула, Николай умирал, глядя сквозь открытое окно на зелёную долину. Любовь и покаяние переполняли его сердце — перед его семьёй и его родиной. О любви к его семье, Нелли, последняя кто помнил те дни, писала: «Деда был очень терпеливым человеком, и он так нас любил, и моя Баба тоже. Они были просто очень, очень хорошими людьми, очень мягкими и очень ласковыми».[8] О любви к родине Николай писал в стихотворении «Покаяние»:

Отпусти мне все те прегрешенья,
Лишь за то, что я каюсь теперь,
И за то, что впоследствии лишенья
Я сносил словно загнанный зверь.
Что в изгнаньи, в тяжёлой юдоли,
Уважать научился я труд,
Что на барских ладонях мозоли
До могилы уже не сойдут. [...]
Ты ж не дашь никакой мне награды,
Но духовную цепью звеня,
От тебя я лишь жажду пощады:
Пожалей и помилуй меня.[9]

Ромелио в письме корреспонденту «Правды» Юрию Ясневу тоже вспоминал о тех днях: «Отец мой за день перед смертью позвал меня к своей кровати, обнял меня со слезами, и сказал: „Рома! Я умираю, но у меня есть просьба к тебе, если ты обещаешь [её выполнить], то я умру с большим удовлетворением, т.е., чтобы ты при каких [бы] то ни было обстоятельствах поехал в Россию и опубликовал мои сочинения». На другой день он умер».[10] Точная дата смерти его забыта, и его могила затерялась где-то на кладбище Сан-Педро-Сулы. Ромелио до самой своей смерти скорбел, что так и не смог выполнить последнего завета отца.

* * *

В то время как Николай отправился в свой последний путь, поведя свою семью во весь белый свет, Леандро, его альтер эго, тоже начал свой путь в противоположном направлении, уходя всё дальше и дальше в дебри Австралии. Но парадоксально, что в то время как вся жизнь Николая кажется мучительным путём к самому себе, хотя и предпринятым во имя людей, дорога, выбранная Леандро, по которой отныне ему предстояло идти одному, была не просто во имя людей, но к людям. Однако многое остается неясным на этом пути.

Никто не знает, например, что сталось с деньгами (809 фунтов), которые Леандро получил после продажи своей фермы в Бутчерс Крик. В те годы это был большой капитал: работники на фермах получали всего 50-100 фунтов в год. Стиль жизни семьи Леандро в последующие годы показывает, что едва ли он использовал эти деньги. Вполне вероятно, что бóльшую часть вырученных денег Леандро просто отдал своему отцу, которому эти деньги нужны были для

[8] Mackay, 'Memoirs', .p. 5; Flores, 'Memoirs', .p. 8.

[9] Ильин, Песни земли, с. 101–02.

[10] Ромелио Ильин – Юрию Ясневу, 11 октября 1967. Архив Юрия, Москва.

AM31.indb 90 23/11/2014 1:49:09 PM

благого дела — организации русской колонии. Будь это так, Китти согласилась бы с таким решением – делиться с другими было важной составляющей философии её народа. Она часто рассказывала детям историю о жадном мальчике. Флора – единственная, кто всё ещё её помнит:

«Жил-был один мальчик, и он нашёл много личинок уитчетти. Он собрал их, принёс в лагерь, и все их приготовил, но ни с кем вокруг не поделился. И он съел сам все личинки уитчетти, и когда он съел их, весь жир от личинок поднялся ему в горло, у него там всё горело, и, чтобы охладить горло, он побежал вниз к ручью и выпил холодной воды. Он выпил много холодной воды, — Это хорошая история, я её всегда помню. История о плохом и жадном, и её рассказывают детям, чтобы научить их делиться и не жадничать. Потому что когда они жили там, в племени, что бы они ни готовили, и сколько бы ни было у них еды, все надо было делить с племенем. Я поняла мораль этой истории только когда подросла, а когда мама рассказывала её мне, я всегда думала „как чудно́ — превратился в камень“».[11]

В конце 1919 года Леандро оставил работу у Аткинсонов и взял в аренду участок земли при дороге из Маунт Гарнет в Ганнаварру, у ручья Спринг Крик. Холмистый участок, покрытый редколесьем, занимал 476 акров. В отличие от плато Атертон, дождей здесь было мало, в засушливые месяцы ручьи пересыхали, и воду для скота можно было добыть, только выкопав колодец в русле ручья.

Флора вспоминает об их жизни на новом месте: «У нас были козы и несколько коров, которых Ромелио не смог продать и перегнал к нам. Земля здесь была сухой и бесплодной. Мы построили хижину около Спринг Крик, потому что там была вода. Хижина была — просто несколько составленных вместе кусков гофрированного железа по сторонам, и из него же была сделана крыша. Просто, чтобы защититься от дождя и ветра. Пол был земляной. Но это было место, где можно было зажечь свой очаг. Вот и всё, что там было. Да, это было нелегко, совсем нелегко. Но мы привыкли к такой жизни».[12]

Где-то здесь, над Спринг Крик, и стояла хижина Ильиных

И жизнь продолжалась. Много семейных историй из того времени сохранилось в памяти детей и внуков. В то время как Николай вёл свою семью через джунгли Гондураса в поисках места для новой русской колонии, Леандро привёл в их хижину горького пьяницу, которого он подобрал в пабе в Маунт Гарнет. Этот человек, до того как спился, раньше работал на окрестных фермах. Леандро взялся излечить его и провёл

[11] Tape 1B522, EGA.

[12] QSA: LAN/DF, 2501A, Herberton 1065; tapes 2A496, 4A027, 6A205 — all EGA.

AM31.indb 91 23/11/2014 1:49:10 PM

курс постепенного уменьшения дозы алкоголя, в то время как Китти кормила его горячей едой, особенно, супом. Человек пришёл в норму и до конца жизни был благодарен Ильиным.[13]

Дети росли на приволье. Флора уже лет в пять могла ездить верхом на лошади, а о мальчишках и говорить нечего. Гленда, дочь Дика, рассказала несколько историй:

«Мой папа, Дик, был вроде как за старшего у них. Когда Дед уходил куда-то делать какую-то работу, он брал с собой Джинджера, а мой отец смотрел за домом и помогал бабушке с детьми. Он был как хозяин в доме. Это должно быть было в Маунт Гарнет, когда Джинджеру оттяпали палец. У них было колесо, деревянное колесо. И Джинджер с Томми всё время с ним играли, катали его туда-сюда, и моя бабушка всё звала их помочь что-то сделать по дому, а они не слушались. Тогда мой отец вызвался пойти и разрубить это колесо. Он говорит: „Мам, я пойду, возьму топор и разрублю его на фиг". Она говорит: „Ну, давай!". И он пошёл, и как хватит по нему топором и прямо попал по руке Джинджеру — отрубил палец!

А в другой раз Деда опять не было, и мальчишки взяли железное тавро для клеймения скота. Они видели, как Дед клеймил им скот, на нём были буквы Л. и И. Сунули они его в огонь, а потом приложили к заднице Джинджера, так и заклеймили его!»[14]

Не менее драматичные истории происходили и с Гарри. Однажды, нашкодив у Аткинсонов, он испугался и убежал в буш. Только благодаря искусству следопыта Джинджера, его удалось разыскать. Но, убегая, Харри застрял на проволочном заборе и разорвал себе промежность ног. Леандро не растерялся — всё заправил, разложил по местам, взял нитку с иголкой и зашил! Это не помешало Гарри в дальнейшем иметь одиннадцать детей.

Здесь, в Спринг Галли, в марте 1922 года родилась их младшая дочь. Назвали они её Вера Аралуен. Верой звали сестрёнку Леандро, умершую в младенчестве ещё в России. Это имя сохранилось в семье И—Виира. Но особенно интересно второе, редкое имя Аралуен. Флора вспоминает: «Люди, бывало, спрашивают у отца: „Откуда вы взяли имя Аралуен?» А он отвечал: „Как же вы не знаете? Это же ваше собственное имя, австралийское. Ведь в Австралии есть город Аралуен"». [15]

... Слово Аралуен мне тоже показалось знакомым, но я не могла вспомнить, откуда я его знаю, пока не помог случай. Както раз наш друг Киф Маккомби пригласил нас покататься на восток от Канберры. Вернее было бы назвать эти замечательные экспедиции с Кифом — «побродить». Мы немного отъезжали от города, съезжали с главного шоссе, и, бывало, наугад выбирали просёлочную дорогу, которая нам приглянулась, или холмы вдалеке, а то пытались определить, с какой точки художник нарисовал озеро Джордж в 1820-м году и как пробраться к этой точке через фермерские заборы. Но на этот раз наш путь лежал на восток, через покинутые города Хоскинстаун и Кэптэн Флэтс; затем дорога вывела нас к Мейджорс Крик, в котором всё еще угадывались следы прокатившейся когда-то по этим местам золотой лихорадки. И тут я увидела дорожный указатель с надписью «Аралуен», и мы, не раздумывая, двинулись по лесной дороге, петлявшей по горному склону. Но вот на смотровой площадке лес расступился, и мы увидели внизу долину вокруг Аралуен Крик. Окружённая серо-голубыми туманными холмами, в мягком свете весеннего вечера, долина казалась зачарованной. А уже в самой долине нас окружили цветущие персиковые сады, разбросанные вдоль ручья, осенённого австралийскими казуаринами. И, спустившись к воде, я поняла, что судьба привела меня к речке из моих детских фантазий, разбуженных стихами Генри Кендалла. Это стихотворение, в русском переводе Ольги Берг, я когда-то твердила наизусть, бродя по улицам моего родного Минска:

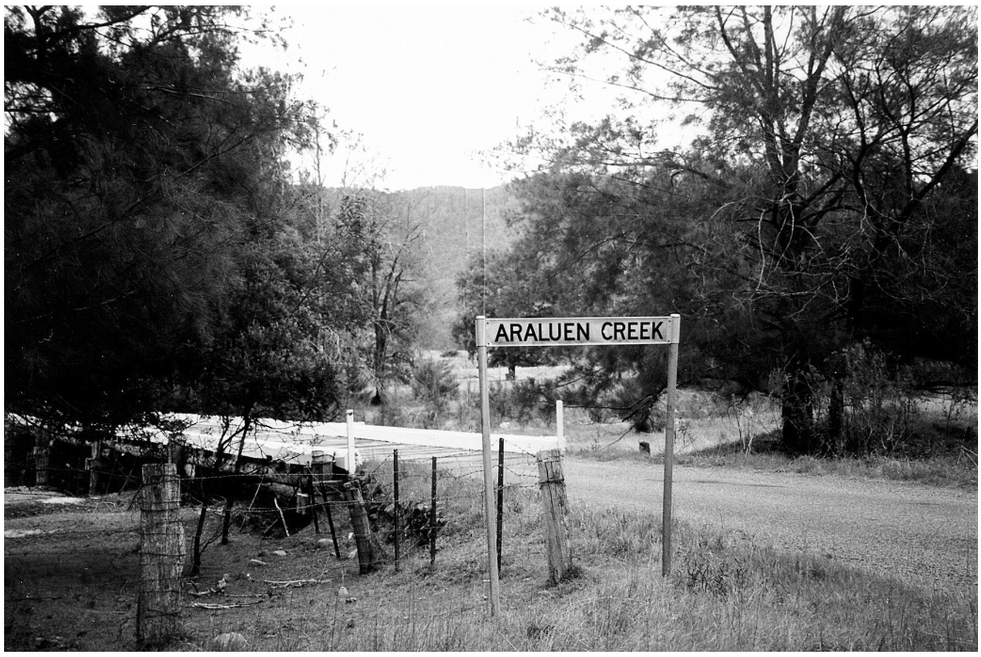
Аралуен
Ты, река, дитя долин,
От дождей ведёшь свой род,
И выходишь из глубин
Жёлтых торфяных болот.

[13] Записи интервью 4A147, 6A005.

[14] Записи интервью 4A304.

[15] Записи интервью 2A171, 6B047.

AM31.indb 92 23/11/2014 1:49:10 PM

Аралуен Крик

В час, когда осенний след
На тропинках всё видней,
Дай мне вспомнить в листьях свет,
Жар голубоглазых дней.

Мне наскучил вечный гам
Сутолоки городской,
И к прохладным берегам
Я пришёл вкусить покой. [...]

Отчего так много лет
Ты царишь в моей судьбе?
Ветер буйный, дай ответ,
Чем прикован я к тебе?

Поселок Аралуен вырос на берегах одноимённого ручья в результате открытия здесь золота в 1851-м году. Он стал домом для австралийских поэтов Чарльза Харпура и Генри Кендалла и романиста Рольфа Болдервуда. Название Аралуен происходит от аборигенских слов «арр-а л-иин», обозначающих «место водяных лилий». Это место стало своеобразной вехой австралийского поэтического ландшафта, ведь это одно из первых мест, где иммигранты, воспитанные в английских эстетических традициях, почувствовали тягу к австралийскому ландшафту. Символизируя этот новый союз, Генри Кендалл назвал свою дочь Аралуен.[16] Так же поступил и Леандро. Аралуен — это была его присяга на верность стране, которая отныне стала для него домом. Но было в этом имени и ещё одно значение. Хотя Китти и не могла дать своей дочери аборигенское имя её племени нгаджон — ведь духи её земли остались далеко, на плато Атертон — и она, и Леандро гордо заявили о том, что их ребёнок — аборигенка, и заявили об этом по-новому. Аралуен стала символом мечты об аборигенности, которая не будет замкнута границами племенной территории, это был символ молодой австралийской нации, вбирающей в себя различные культуры. Смелая мечта для Австралии 1920-х годов!

Когда мы покидали Таунсвилл после первой встречи с Ильиными в 1996-м году, внук Флоры, Ричард пришёл к нам попрощаться вместе со своей дочерью. Оказалось, что эту очаровательную девочку — светлокожую, с вьющимися волосами и сияющими глазами и с неуловимой округлостью черт лица, выдающих аборигенскую кровь, — тоже зовут Аралуен. В этой юной австралийке смешалось наследие племён нгаджон,

[16] 'Araluen', in P. Pierce (ed.), The Oxford Literary Guide to Australia, Melbourne, New York, Oxford University Press, 1993, с. 34–35; Генри Кендалл. Аралуен. – В кн.: Поэзия Австралии, М., 1967, с. 39-414 L. & R. Thwaites, The History of Araluen, [Braidwood, 1971].

AM31.indb 93 23/11/2014 1:49:10 PM

гугу-бадун и калкадун, а также её русских, польских, ирландских и английских предков. Свершившаяся мечта Леандро и Китти во плоти стояла передо мной!

Вера Аралуен, родившаяся жарким мартовским днем 1922 года на берегу Спринг Крика, полностью оправдала двоякую натуру своего имени. Она, единственная из детей Леандро, в восемнадцать лет примет решение креститься в русской православной церкви Брисбена; она же, по отзывам родственников, будет «больше всего аборигенкой» по сравнению со своими братьями и сёстрами. Её дом в Ингеме всегда будет открыт для всех аборигенов, к какому бы племени они не принадлежали.[17] Но это всё будет годы спустя, а пока же малышку называли просто Лули.

Леандро всегда знал, что их лачуга из гофрированного железа на берегу Спринг Крик была только временной остановкой на его пути. Отсюда он собирался отправиться в Гондурас, но после смерти отца он оставил этот план. Отныне он принадлежал только Австралии. И пришла пора предпринять новый шаг. Дети подрастали, но вместо того, чтобы записать их в школу в Маунт Гарнет, Леандро бросил свой участок земли и отправился ещё дальше, в дебри австралийского дикого Запада. Мы не знаем, почему он сделал так—разве что качать воду для скота, охотиться на динго, чинить заборы и перегонять скот на скотобойни. И всё же он выбрал этот путь.

Они покидали Спринг Крик, нагрузив вещи на двуколку, запряжённую лошадью. В последний раз они спустились в лощину перед их домом, где дети провели в играх столько счастливых дней, где они навсегда расстались с Николаем и Александрой. Лошадь медленно втащила повозку вверх по склону на другом берегу, и они двинулись по пыльной красной дороге. Леандро ехал верхом впереди. Он навсегда покидал это место, не зная, что он оставляет там что-то очень важное — своё собственное имя, что эта безымянная сухая балка, заросшая эвкалиптами, на дне которой собиралась вода только после сильных дождей, получит его имя — лощина Ильина (Illin's Gully).

Этого названия нет на карте Австралии, нет его и на дорожных указателях около Маунт Гарнет, вместо этого карты показывают два ручья с одинаковым названием Спринг Крик, которые соединяются недалеко от того места, где когда-то стояла хижина Леандро. Франк Герц, муж Маргарет, внучки Леандро, старожил здешних мест, говорит, что «эту лощину называли двумя именами — и лощина Ильина и Спринг Крик. Люди уважали Ильиных, они знали, что они жили здесь в прежние годы, вот они и называли это место лощина Ильина». Это имя всё ещё помнят. Бим, внук Аткинсонов, на которых работал Леандро, рассматривая со мной карту-миллиметровку, показав на правый приток Спринг Крик, сказал: «Это и есть лощина Ильина. Они тут всё написали неправильно. По ней вода течёт в Спринг Крик. Бóльшую часть года она сухая, но вода движется в глубине её, под песком. Мой отец всегда говорил, что она начинается из родника в болоте на западе».[18]

Она всё ещё течёт под песком. Невидимая, вода всегда там. Но надо знать потаённую природу лощины Ильина, чтобы добраться до воды под сухим песчаным дном в жаркий день. Вода там никогда не останавливается: сначала она течёт в Спринг Крик, потом в Ретурн Крик и, наконец, в реку Херберт, которая впадает в океан около Ингема. Именно на реке Херберт Леандро и проведёт последние годы своей жизни. Четверть века займёт его путь от истока до устья этой реки. И он сам будет подобен этому маленькому ручью, затерявшемуся в дебрях Австралии — внешне неказистый, но полный животворной влаги, которая утоляет страждущих. Надо только прислушаться к тихим голосам его детей и внуков и раскопать сухое русло ручья, и Леандро — простой и искусный, неистовый и мягкий, войдёт в наше время прямо с пожелтевших газетных листов, со страниц его писем чиновникам всех рангов и своим собственным детям, с его донесений правительству и из семейных преданий. Надо только раскопать сухое русло ручья жарким летним днем... ■

(Окончание)

[17] Записи интервью 6A316, 7B228. [

[18] Записи интервью 4A042, 15A080.

AM31.indb 94 23/11/2014 1:49:10 PM